

Българите в Северното Причерноморие ИЗСЛЕДВАНИЯ И МАТЕРИАЛИ

ТОМСЕДМИ

ТРАДИЦИОННАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ТЕРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА БОЛГАРСКИХ СЕЛ БЕССАРАБИИ

Александр Пригарин

В контексте изучения одной из актуальных проблем современной науки и общественной практики – сложнейших процессов этнической идентификации, чаще всего можно наблюдать глобализацию подхода – рассмотрение воспроизводства этноса (нации) как гомогенной единицы. Не пытаюсь поставить под сомнения ценность таких работ, мы считаем, что наряду с подобными исследованиями должны исследоваться и особенности межпоколенной передачи этнической традиции на уровне элементарных микроструктур – региональных и субэтнических групп, территориально-соседских объединений.

Их возникновение и развитие является не только отражением многообразия форм и вариантов развития любого народа, но и обязательной предпосылкой его существования в целом. Иными словами – сложно себе представить этнос с очень простой внутренней структурой (разве что на ранних этапах этногенеза). Наличие развитой горизонтальной (синхронной) системы субэтнических групп различного таксонометрического уровня обеспечивает перспективу этноса в истории (в диахронном измерении).

В этой связи нам представляется целесообразным обратиться к системе расселения болгар в Бессарабии и вопросам влияния сложившейся системы на воспроизводство и развитие их этнической структуры. Следует отметить, что, изучая расселения болгар в регионе, многие предыдущие исследователи уже отмечали, что их проживание отдельными населенными пунктами (анклавами), а также совокупность этих пунктов в рамках относительно небольшой зоны (компактное проживание на территории Буджака) создали важную предпосылку для сохранения и развития болгарской культуры в регионе¹.

Мы же хотели бы обратить внимание на более мелкие подразделения в этнотерриториальной структуре бессарабских болгар, сложившиеся на уровне отдельных сел. Исторически сформировавшиеся соседско-территориальные общности у бессарабских болгар отражают наименьшие таксонометрические уровни их этнокультурных подразделений, которые и являются объективно существующими трансляторами этнического опыта в его конкретном варианте (локальном, региональном, субэтническом и общеэтническом).

Зарождение такой системы расселения в рамках отдельных населенных пунктов,

по-видимому, следует отнести к моменту переселения болгар и первоначальным этапам их обустройства в Бессарабии (первая треть XIX в.). Во многом подобные соседские группы повторяют аналогичные им у болгар метрополии. Однако в условиях как полиэтничности (совместное проживание в рамках отдельных сел представителей разных народов), так и инвариативности культур (сосуществование разных субэтнических и региональных групп болгар в одних и тех же населенных пунктах), соседские объединения получают ряд новых функций.

В ряде случаев, такая система отражает сложные процессы доселений в колонии, а также миграции внутри региона на протяжении XIX века. Последующее развитие в конце XIX века по настоящее время несомненно оказало влияние на данную структуру. Однако данные явления дошли до наших дней практически без принципиальных изменений в качестве реликтов, предоставляя возможности для ретроспективных реконструкций.

Следует указать, что привлечение аналогичного материала из сел, образованных в начале XX века (в нашем случае – Евгеновка Тарутинского района Одесской области), повышает эвристическую оправданность и обоснованность выводов. В таких случаях мы имеем дело с подобными же процессами, однако приближенными к нам на расстоянии не более трех-четырех поколений. Безусловно, что данные материалы приводятся с корреляцией на равнису в социально-экономической и политической ситуации в Бессарабии в первой трети XIX и в начале XX вв.

Впервые на феномен соседско-родственных объединений болгар Бессарабии обратила внимание Л. В. Маркова. Обобщая эмпирический материал, она указала на случаи проживания группы родственных семей в одних кварталах².

Название этого объединения (махала), по её мнению, может быть переведено с поркского как “*конец улицы*” и имеет свои аналогии у балканских болгар. Она же указала на тот факт, что в отличии от последних, их соплеменники в Бессарабии, будучи легитимированы при планировке и обустройстве своих колоний, не выразили композиционно отличия своих элементарных микросоциальных коллективов.

Данная особенность подчеркивает принципиальность таких объединений. Если эта традиция утрачивает свою формальную выразительность (топографическую и архитектурную), сохраняясь в общественной практике и сознании людей, то не будет большой смелостью предположить необходимость таких форм сожительства семей для традиционной общественной жизни болгар в целом. Иными словами, разложение большой семейной общины приводит, по мнению Л. В. Марковой³, к тому, что “общие экономические интересы соседей по земле одерживали верх над родственным началом” и функции ранее бывшие внутрисемейными передаются соседской группе.

В этом процессе важное значение имели пути образования данных соседских групп. Один путь – деление отцовского участка между сыновьями – образование соседей из генетически близких семей (патронимии). Такое положение, по-видимому, доминировало среди болгар на Балканах до начала XX века⁴ и было характерно для начальных этапов освоения ими Бессарабии. Однако, проникновение капиталистических отношений в общинную жизнь предопределило и другой возможный путь – через отчуждение семейных участков соседями становились односельчане не состоявшие в равном родстве. Необходимо указать, что данный путь в Бессарабии также имел место с момента основания колоний.

Следует также отметить, что на подобную структуру расселения этнических групп в полиэтничных регионах Украины и, в частности ее южных районов, в свое время обратил внимание и другой исследователь – В. И. Наулко⁵. Отмечая образование соседских объединений у представителей разных народов, он показал их важность в контексте воспроизводства культуры на уровне ее отдельных субэтнических и региональных вариантов, а также их влияние на формы и механизмы межэтнического взаимодействия.

В ходе экспедиционных исследований Одесского госуниверситета в 1994 – 1999 гг. нами был собран полевой материал⁶, позволяющий несколько дополнить характеристику данного явления, сделать попытку уточнить его происхождение и бытование у бессарабских болгар.

Следует указать, что мы столкнулись с многообразием лексем для его обозначения, отражающее возможно как исторические, так и субэтнические моменты. В целом, можно все подобные случаи разделить на два типа:

- 1) соседско-родственное объединения в рамках одной улицы (“от угла до угла”, по одну из сторон улицы, реже – с ее обеих сторон);
- 2) относительно большие части села, отражающие особенность этнической структуры жителей и/или особенности их исторического развития.

Каждый из типов отражает различные формы общественной жизни. Однако, следует сразу отметить и общность ряда функциональных моментов, породившая, по-видимому, и в ряде случаев общность названий (“*махала*”). Следует также указать, что подобная четкость применена для удобства изучения явления – на практике же эти разные типы соседских объединений редко различаются самими носителями культуры.

1. Соседско-родственная группа. Данное объединение, одно из наименьших форм организации жизни в территориальной соседской общине поздней формации, выражает кооперацию семей в рамках одного квартала. У болгар Бессарабии зафиксировано ряд названий для подобного рода коллективов.

Первая из таких лексем, видимо, термин административного происхождения – “*десятка*”. Под ней понимались жители одной улицы по обеим ее сторонам от переулка до переулка. В состав такой “десятки” первоначально входило десять семей (откуда и пошло данное название) близких родственников. И хотя в дальнейшем, количественный и качественный состав данного соседского объединения претерпел изменения, это название продолжало бытовать и сохранилось в коллективной памяти сторожилов.

Такое название было выявлено в населенных пунктах с уличным типом планировки, которая была доминирующей в колониях основанных в 1829 – 1831 гг. (Заря (Камчик) Саратовского района Одесской области, Главаны Арцизского, Васильевка (Вайсал) Болградского и др.). В рядовых поселениях начала XX века под “десяткой” понималось объединение соседей с одной из сторон улицы.

Респонденты в этих группах сел указали, что ещё в первой половине XX столетия “десятка” нередко представляла собой объединение близкородственных семей. Одновременно ряд моментов (круговая порука, обязательная взаимопомощь, совместное проведение отдельных обрядовых действий и т. д.) дают основания считать, что данное объединение играло важную роль в общественной жизни села.

Вместе с тем, в селах с улично-квартальной планировкой, основанных в 1809 – 1822 гг., мы столкнулись с идентичными явлениями, имеющими такие названия: *махала*

(Каменка (Ташбунар) Измаильского района Одесской области, Владичень (Импуцита) Болградского района), *ма(г)ла, майла* (Суворово (Шикирли Китай) Измаильского района), *ма(х)ала* (Червоноармейское (Кубей) Болградского района).

Примечательно, что в некоторых из сел (Васильевка, Заря) нам указали оба названия (*десятка и майла*), подчеркивая их однозначность.

Примечательным является бытование уличных прозвищ (*пьякул*). Для поселений с уличной планировкой более характерной формой является полная форма перечислений предков по мужской линии, чаще всего вплоть до первопоселенца в Бессарабии. Во втором же случае (села с квартально-уличной планировкой) – короткие прозвища, родового или общесемейного содержания. Это наблюдение требует своей более детальной проверки, однако уже сейчас позволяет предположить, что родовые связи в первой группе сел играли большую роль, а во второй – соседские выходят на первый план.

И в первом, и во втором случае, как показали сведения респондентов и данные похозяйственных книг сельсоветов, данная единица характеризуется общностью происхождения о чём свидетельствуют фамилии, входящих в состав одной *десятки/махалы* семей. Это даёт нам возможность предположить, что в данном явлении прослеживаются пережитки так называемой “патронимии”.

Важность такого объединения подчеркивается рядом традиций в организации хозяйственной жизни этих сел. Так, например, согласно расположению дома в махале устанавливалась очередь на дойку овец на “*тирле*”, выпаса их за пределами села (на *толоке* или *бауре*) после Димитрова дня. Многие виды работ также учитывали принадлежность к тому или иному соседскому объединению: овцы владельцев из одного квартала составляли одно стадо для выпаса, для которого всей *махалой* нанимали пастуха; соседи коллективно очищали выпасные луга; совместно чистили кукурузу, каждому из соседей по очереди. Присутствие представителей всех домов в *махале* на традиционной форме взаимопомощи при постройке дома соседу (*миджии*) считалось обязательным.

Можно также предположить, что данные пережитки, проявляющиеся во внутриквартальных делах и традиционном животноводстве, ранее присутствовали и в земледелии. Косвенно это подтверждается наличием термина “десятка” для обозначения пахотной земли (зафиксировано в с. Евгеновка), наделяли таким паем жителей одного квартала. Однако, учитывая посемейное распределение семей, характерное для бессарабских болгар в XIX – начале XX вв., данный случай может отражать и локальную особенность.

В целом, можно констатировать наличие соседско-родственных групп у болгар Бессарабии в рамках одного квартала (*десятка, махала*), значительную их роль в организации жизни внутри одного села, с рядом существенных в этом плане функций: хозяйственных, досуговых, ритуальных и т. д. Данные коллективы, по-видимому, отражают процесс распада большесемейных общин и переход к территориальным соседским объединениям. В ряде случаев, возможно проследить в них и явные пережитки патронимии – совместного проживания семей, имевших некогда единного предка. Однако, вопрос насколько именно этот момент лег в основу их образования требует еще более детального рассмотрения на широком эмпирическом материале.

2. Микроэтнические общности в рамках одного села. Следующий тип

территориальной единицы болгарского села в Бессарабии отражает более широкий по своему составу коллектив – объединение в целый район. В этом случае наблюдается не только количественное отличие от групп предыдущего типа (последние более малочисленные), но и проявляется одно очень принципиальное, на наш взгляд, качественное отличие. Речь идет об относительной эндогамности коллективов второго типа.

Именно это свойство – стремление к закрытости от иных сообществ⁷ дает нам основания расценивать данные объединения как один из наименьших таксонометрических уровней болгарской этнической группы Бессарабии. На уровне таких коллективов длительное время воспроизводилась ее культура, сохраняя выразительность конкретного варианта (субэтнического, регионального, локального).

Следует отметить, что явления такого рода не встречаются в однородных по своему составу населенных пунктах (например, Владичень (Импуцита) Болградского района Одесской области). Они характерны для сел со сложной этнокультурной структурой, что и требует детализации.

Чаще всего объединения такого типа имели название тоже “*махала*” (в ряде случаев в таком же значении выступает синоним – “*край*”). К такому названию обязательно добавляли либо топографическое (*Горната, Сръдната, Долната, Кордонската* и др.), либо антропонимическое (*Труфкин, Манчо* и т. д.) уточнение.

Чаще всего деление второго типа отражало специфику происхождения и/или расселения различных групп в рамках одного села. Так, например, *Горната и Долната ма(й)ла* в Заре соответствуют некогда раздельному проживанию болгар, переселившихся из разных районов Балкан (фракийцев и балканцев ъ-диалекта⁸). Такое же (до середины XX века – компактное) расположение внутри села фракцийцев и балканцев (соответственно: *Горний и Долний край*) зафиксировано и в с. Васильевка (Вайсал). Болградского района Одесской области⁹.

Такое раздельное проживание внутри одного населенного пункта носителей разных субэтнических вариантов культуры отражает стремление жить с себе подобными и обособиться от “чужих”. Вместе с тем, такое положение способствует сохранению актуальности этого субэтнического деления. В вышеуказанных селах респонденты 1920 – 1930-х гг. Указывали, что до 1950 – 1950-х гг. Не часто встречались браки между представителями названных частей села.

Более ярко эндогамность и обособленность таких субэтнических групп в рамках одного села иллюстрирует материал из с. Евгеновка (Тарутинский район, Одесская область). Оно может быть отнесено к дочерним болгарским колониям – заселялось на протяжении 1909 – 1920-х гг. Старшими сыновьями с их семьями из сел Гульмены (Яровое. Тарутинский район Одесской области) и Твардицы (Чадыр-Лунгский район Молдовы). Первоначально представители разных сел создали отдельные хутора вдоль р. Чага (соответственно: Евгеновка, Пересяновка (гюльменцы) и Арсу Болгарскую (Ровное), Владимировку (твардичане)). Начиная с 1930-х гг. Начинается процесс объединения в один населенный пункт: строительство единой церкви, затем создание общего совхоза, сельсовета и т. д. Однако до настоящего времени “твардички” отличают себя от “гюльменцев” и, наоборот. Сохраняются некоторые яркие отличия в языке и культуре.

Сложившиеся брачные традиции в этом селе действительно ярко характеризуют

эндогамность как одно из важных условий существования субэтнических групп на уровне одного поселения. Так, здесь, если юноше не удалось найти себе супругу на своей стороне села, то он отправлялся искать её в “отцовскую” колонию (соответственно или в Твардицу или Яровое). Итолько в редких случаях (особенно – до 1960-х гг.) – женился на девушке с другого края села, выкупив её с помощью “*могарича*” молодым парням её части (отнюдь не символического).

Еще один примечательный для нас факт, что проживающие на территории “*гюльменцев*” в небольшом количестве “*купоранцы*” (переселенцев из с. Ровное (Купоран) Тарутинского района) и “*чумлекьойцы*” (выходцы из с. Виноградовска (Чумплекьой) того же района) активно вступали в ними с браки, и, наоборот, совсем не встречались случаи брака последних с жителями “твардичанской” части села.

В этом же селе наблюдается существование отдельных кладбищ не только для представителей разных субэтнических групп, но и для разных их территориальных подразделений: два кладбища для “твардичан” (Равненское и Владимировское) и три для “гюльменцев” (Евгеновское и два Пересьяновских (новое и старое)). Примечательно и то, что в 1930-х гг. была предпринята попытка построить и две разные церкви, однако не удачная.

В ряде случаев, когда в населенном пункте кроме болгар проживали представители ещё какого-либо народа, то подобного рода названия получали районы раздельного проживания этих этнических групп. В таких случаях четко проявляется роль такого расселения как эндогамного этнического барьера.

Так, на этническую обособленность указывают следующие примеры: *Гагауз-маила* и *Тукал-маила* в Червоноармейском и Каменке, *Циганската майла* в Суворово (Измаильский район Одесской области), *Руската улица* в Кирничках (Измаильский район) и т. д.

Однако и в этом значении понималось не только историческое разнообразие, но и определенная общественная структура с достаточно четкими функциями внутрисельской жизни. Об этом свидетельствует существование до 1940 – 1950-х гг. Фискальной круговой поруки, объединений для работы и досуга, совместное участие в обрядах семейного и календарного цикла и многие другие. Как удалось зафиксировать в большинстве из обследованных сел, до 1950-1960-х гг. Имел место обычай, согласно которому юноше знакомиться с девушкой, а тем более брать её в жёны из другой части села можно только после выкупа (*могарич, алдамач*) у юношей-соседей.

В целом, следует отметить что существование таких территориальных подразделений внутри болгарских сел Бессарабии обусловлено рядом факторов. Во-первых, тем, что большинство из бывших болгарских колоний были достаточно многодворными и организация общественной жизни в них требовала более мобильных коллективов для решения ряда производственных и культурных вопросов. Во-вторых, значительную роль играл этнодифференцирующий фактор, предопределивший стремление к раздельному проживанию и обособлению носителей разных вариантов этнической культуры. В этой связи представляется перспективным проверить индекс эндогамности этих объединений в исторической динамике, где это возможно.

Такая система расселения создала важные предпосылки для сохранения субэтнических и региональных вариантов культуры болгар после переселения их в

Бессарабию. В тех селах, где такая система не сложилась или в силу разных причин распалась процессы внутриэтнической консолидации и формирования новых вариантов более заметны.

Следует также хотя бы кратко остановиться на проблеме аналогий подобных соседско-территориальных структур у болгар на Балканах. Сравнивая данные элементы культуры у бессарабских и балканских болгар, можем отметить, что у болгар метрополии они широко известны прежде всего для обозначения хутора или части населенного пункта четко выраженной в топографическом и/или архитектурно-композиционном плане¹⁰. Жители этой части характеризовались определенной спецификой (происхождения (патронимическая группа), этническим, профессиональным, конфессиональным своеобразием). Что же касается бытования, то роль таких объединений близка бессарабским: махала выступает субъектом общественной жизни в различных сферах (административно-податной, производственной, ритуально-обрядовой). Таким образом, можем констатировать перенесение и сохранение данной традиции у бессарабских болгар.

Своеобразие развития её прослеживается в названиях, слабой оформленности в топографическом плане (данное объединение существовало прежде всего в сознании людей и общественной практике), сравнительно быстрое развитие от объединения родственников к соседскому объединению и т. д.

Следует также отметить, что в ряде случаев у бессарабских болгар подобное объединение отражала эндогамную группу аналогичную отдельному селу (задруга-община) среди болгар метрополии, что по-видимому отображает сложные процессы внутриэтнической дифференциации на субэтнические и региональные общности. Чаше всего это проявлялось в болгарских колониях с неоднородным составом населения.

Безусловно, что данная работа не исчерпывает все аспекты затронутой проблемы и целый ряд наблюдений и выводов требуют проверки и детализации. Однако даже столь краткое рассмотрение общественно-территориальной структуры болгарского населения Бессарабии на уровне отдельных населенных пунктов позволяет поставить вопрос о бытовании этнического самосознания болгар на разных уровнях социальной организации.

Примечания

¹ Державин, Н. С. Болгарские колонии в России // СбНУ. – 1914. – Кн. XXIX. – С. 44 – 45; Наулко, В. І. Етнічний склад населення Української РСР. Статистико-картографічне дослідження. – К.: Наукова думка, 1965. – С. 31; Наулко, В. І. Развитие межэтнических связей на Украине. – Киев: Наукова думка, 1975. – С. 74 – 75 и др.

² Маркова, Л. В. Поселения и жилище болгар-переселенцев в Бессарабии // Краткие сообщения института этнографии АН СССР. – 1955. – № 24. – С. 5.

³ Маркова, Л. В. Сельская община у болгар в XIX веке // Славянский этнографический сборник. Труды Института этнографии. – Т. LXII. – М., 1960. – С. 39 – 40; 73 – 75.

⁴ Иванова, М. И. Традиционната родова структура у българите (по етнографски материали от втората половина на XIX и началото на XX в.). Автореф. Дисс... - София, 1998. – С. 20 – 22.

⁵ Наулко, В. І. Етнічний склад населення Української РСР. – К.: Наук. Думка, 1965. – С. 108.

⁶ Экспедиционный материал хранится в фондах Лаборатории археологии и этнографии Степной Украины ОГУ им. И. И. Мечникова.

⁷ Многие авторитетные исследователи выделяли эндогамность как один из принципиальных признаков и одновременно условий существования этноса и этничности (например, Геннинг, В. Ф. Этничность в первобытном обществе. — Свердловск, 1971. — С. 14 — 15; Бромлей, Ю. В. Этнос и этнография. — М., 197

⁸ Атлас болгарских говоров в СССР. — М., 1958.

⁹ Фетов, Г. Д. Из прошлого и настоящего нашего края и села Васильевски. — Болград, 1990. — С. 31.

¹⁰ Етнография на България. — Т. II, Материална култура, София: Издателство на БАН, 1983. — С. 181.